

Издано
в СССР

НЕПОКОРИВШАЯСЯ ЗЕМЛЯ

□

Жак Стефен Алексис. Добрый генерал Солнце. Роман. Перевод с французского О. В. Волкова. Редактор Н. Немчинова. Предисловие Е. Гальпериной. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 356 стр.

□

«Полтора века нас окружал заговор молчания», — сказал, находясь в Москве, Жак Стефен Алексис, известный писатель и общественный деятель Гаити. Колонизаторы издавна старались скрыть от мира правду об этой маленькой, жизнерадостной, бедствующей и гордой стране. Но в наши дни скрыть правду не так-то просто.

Выступая на Третьем съезде писателей СССР, Жак Алексис приветствовал съезд от имени потомков непокоренных людей — индейцев, негров, мулатов, двести лет борющихся против испанских и французских колонизаторов в горах Гаити на очень небольшой, но неприступной для захватчиков территории, «на своей пятой земле, которая была пятой свободой».

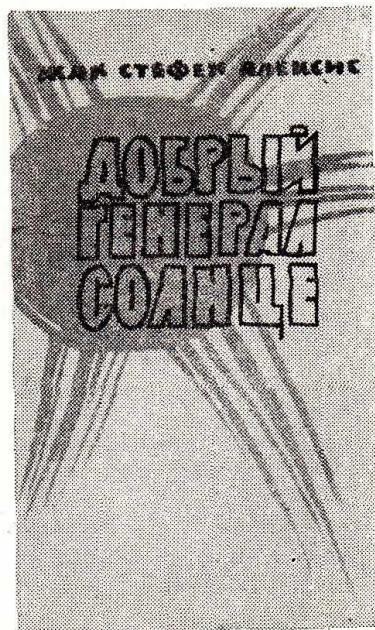
Сейчас остров Гаити делит граница. По одну ее сторону — Республика Гаити, где правят крупные земельные собственники; по другую — Доминиканская республика, здесь господствует

фашистский диктатор и палач Трухильо. Оба правительства — самая верная опора американского империализма, против обоих поднимается сокрушительный народный гнев.

Накалена атмосфера под тропиками. Обогрен кровью путь народа, стремящегося к лучшей жизни. Но над израненной землей неизбежно родится рассвет. Об этом и рассказывает роман Жака Стефена Алексиса «Добрый генерал Солнце» — первая книга писателя, вышедшая в Париже в 1955 году и уже переведенная, как и второй его роман «Деревья-музыканты» (1957), на многие языки.

В «Добром генерале Солнце» изображена вторая половина тридцатых годов, но вся описываемая ситуация очень напоминает сегодняшний день Гаити. Та же вопиющая нищета, та же безработица царят сейчас в стране, все новые беды обрушиваются на большую часть народа, и для множества тружеников с новой остротой встает вопрос, которым волей-неволей задаются и герои романа: как быть? Терпеливо ждать, что произойдет чудо и судьба смилуется? Эмигрировать в поисках удачи? Или, приняв мужественное решение, бороться за лучшее будущее на родной земле?

Через бесчисленные мытарства проходят в романе рабочий-негр Илларион и его подруга, совсем юная Клер-Эроз, прежде чем тя-

желый опыт подсказывает им единственно правильный вывод: жизнь не устроится сама собой, только в коллективной борьбе против жестокой реакции, в армии «генерала Солнца» простые люди могут отвоевать свое счастье. Илларион гибнет от фашистской пули. Книга завершается трагично, потому что трагична гаитянская действительность. Автор не сгущает краски: финал романа рассказывает о подлинном событии недавней истории — расстреле в 1938 году солдатами Трухильо пятидесяти тысяч гаитян, работавших на сахарных плантациях Доминиканской республики. Диктатор надеялся устроить поднимавшихся в его стране рабочих и разбить опасную для правящих кругов солидарность

тружеников двух частей острова.

В «Добром генерале Солнце» захватывает развернутая автором широкая панорама жизни его страны. Вот они — гаитянские рабочие, крестьяне, ремесленники — на улицах грязных предместий Порт-о-Пренса, в деревнях, на сахарных плантациях Доминиканской республики. Они трудятся в маленьких, полукустарных мастерских, сообщая восстанавливают погубленные наводнением поля, танцуют вечерами после длинного трудового дня, тщетно молят о милосердии своих грозных богов. Погибая от фашистских пуль, они поют «Дессалиниану» — светлый и торжественный национальный гимн, сложенный в давние годы борьбы против рабства.

Прекрасные массовые сцены, умение воссоздать конкретный и глубоко волнующий читателя образ гаитянской современности — едва ли не самая сильная сторона творчества Алексиса.

Пестрая жизнь многоцветно переливается в романе. Естественно соседствуют в нем резкое обличение циничного, развращенного «светского общества» и тяготящих к нему сфер и высокий, порой скорбный, но неизмен-

но жизнеутверждающий пафос. Он появляется там, где Алексис с огромной любовью говорит о родной земле, о простом человеке Гаити — достойном преемнике героических традиций предков.

Страстная человечность дает писателю силы в далеко не легких условиях нести народу свет правды, в полный голос говорить о грязи, жестокости и великих обещаниях эпохи.

Литературный (и официальный) язык Гаити — французский, но широкие массы народа говорят по-креольски — на диалекте, сочетающем элементы французского и африканских языков. Известное количество «креолизмов» проникает и в литературу. Сложность языка, недостаточность наших представлений об истории, культуре и быте страны чрезвычайно затрудняли работу переводчика. Кроме того, надо учесть, что у нас почти не было опыта переводов гаитянской прозы. Но может ли это служить оправданием неточности и небрежности, которые встречаются в переводе романа?

В русском издании то и дело мелькают загадочные, ставящие в тупик неискушенного читателя слова:

гойявы, короссоли, чуросы, бокоры, праделисты, мабуин, мапу, папалуа. И нужно ли переводить «lurapag» как «лупанарий» — словом малоупотребительным, если общедоступный словарь Ганшиной утверждает, что это всего лишь дом терпимости? Зато вряд ли стоило переводить второе имя героини и называть Клер-Эроз Счастливицей Клер. Из контекста следует, что «Heureuse» — имя: не станет же девушка при знакомстве сообщать свое прозвище. Или, скажем, в переводе можно встретить девочку, у которой шея «резко отделялась от плеч».

У переводчика непринужденно и легко звучит диалог, несобственно прямая речь; хорошо переданы в книге жанровые сценки. Но порой обезличивается мужественная, без тени слащавости патетика, в высшей степени свойственная стилю Алексиса.

Глубже понять роман Алексиса помогает содержательное предисловие Е. Л. Гальпериной, которое ориентирует читателя в новой для него области, знакомой с творчеством передового художника слова Гаити, с жизнью его страны.

И. Никифорова

РОЖДЕННАЯ В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Новая поэзия Китая. 1919—1958. Переводы с китайского. Составление Н. Т. Федоренко. Москва, Гослитиздат, 1959. 543 стр.

В огне революционных бурь рождалась новая китайская поэзия, голос которой звучал, как голос будущего. Вся она была протестом против слащавых красот старой поэзии правящего класса, против ее мертвого языка, непонятного народу. В сборнике «Новая поэзия Китая» соб-

раны произведения разных и, главное, хороших поэтов. В их стихах зримо и ярко встает прошлое и настоящее Китая. Нельзя остаться равнодушным, читая стихотворение Лю Фу «Голод», где страшная действительность старого Китая, данная в непосредственном восприятии ребенка, поражает именно обычностью, каждодневностью страдания. Или стихи о Ленине. Молодой поэт Ли Цзи показывает Ленина таким, каким тот памятен сердцам простых китайских крестьян: будто живой сходит к нам со страниц этот самый человечный из людей, такой понятный и близкий крестьянам, словно он «родился в китайской деревне!»

Кончилась война, зажива-

ют раны на теле страны. Фронт проходит теперь по